

Ирина ГЛЕБОВА

РОКИРОВКА СУДЬБЫ

Ирина Глебова
Рокировка судьбы

«Автор»

2016

Глебова И. Н.

Рокировка судьбы / И. Н. Глебова — «Автор», 2016

ISBN 978-966-8768-50-7

В этой книге много главных героев. Каждый из них показан в ретроспективе: от молодых лет до зрелого возраста. Каждый пережил потери, испытания, трагедии, любовь, расставание... Каждый живёт как будто бы своей жизнью, но их судьбы связаны и непременно сойдутся. Рядом с ними – их верные друзья-собаки, которые тоже являются главными героями книги. Роман остросюжетный, в нём есть криминальные моменты, неожиданные повороты сюжета.

ISBN 978-966-8768-50-7

© Глебова И. Н., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Елена	5
Фрам	9
Найда	15
Ребята	19
Щенки	27
Антоний	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ирина Глебова

Рокировка судьбы

Елена

– А Найда у тебя шенная, – сказала Мария Ананьевна сегодня днём.

Елена вышла погулять с собакой, и соседка тоже как раз выгуливала своих мосек. Елена подошла, поздоровалась, они заговорили. Собачки Марии Ананьевны – две то ли болонки, то ли терьерчики и одна французская бульдожка, – сновали рядом с ними, Найда же, как всегда, бегала по двору большими кругами. Услышав эту неожиданную фразу, Елена растерялась.

– Ну что вы! – возразила неуверенно. – Ей ведь десять лет. Этого не может быть...

– Может, может, – авторитетно закивала соседка. – У меня глаз намётанный, не сомневайся!

Она и правда знала все ветеринарные тонкости. Фанатично любила собак, жалела их, подбирали бродячих и потерянных. Ещё недавно у неё жили пятеро зверьков, но один кобель не перенёс чумки, а второй, с ампутированной ножкой, которую хозяйка каждый день заботливо перевязывала, умер от старости. Елена очень уважала сердобольную соседку, сама не раз с трудом сдерживала себя от желания взять какого-нибудь уличного пёсика. Всё-таки сдерживалась: хватит одной Найды, её бы прокормить...

Найда подбежала, ткнулась носом ей в ладонь и вновь умчалась. Десять лет собаке, а движения грациозны, красивы! Что ж, такая порода, охотничья: длинноногая, длинномордая, длинноухая, коричневая с мраморным крапом. Господи, неужели и вправду беременна?

Лет семь назад, когда молоденькая Найда стала занимать на собачьих выставках призовые места, получать медали, ей в клубе подобрали жениха – той же породы, с отличной родословной. Встреча состоялась по всем правилам: опытный кинолог высчитал нужные дни, сам сводил собак три дня подряд, для верности результата. Но, увы, результата не оказалось: Найда не забеременела. Тогда её осмотрели клубные ветеринары и вынесли вердикт: собака бесплодна. Что ж, бывает – и у людей, и у собак. А Елена так даже обрадовалась, ей как-то страшновато было: появится куча щенков, целыми днями пищать будут, ползать по квартире, пачкать... Но особенно боялась за Найду: как она, бедненькая, рожать будет. И за себя – ведь это ей самой придётся помогать своей собаке, принимать новорожденных! Но все проблемы сами собой отпали. А через время женщина поняла, что отпали и другие проблемы: Найду на выставках стали оттирать в задние ряды, о медалях уже речь не шла, а иногда даже в клубе «забывали» сообщить Елене об очередной выставке. Она поняла: поскольку её собака не может производить элитных щенков, то и рейтинг Найды становится всё ниже и ниже. Елена сама перестала водить Найду в клуб и на выставки. Оказалось, так даже лучше, спокойнее. Да разве она любит свою собаку за какие-то призы? Глупости! Ей нужен просто друг, живое любимое существо рядом. Ведь она осталась сейчас совсем одна...

Дома Елена внимательно осмотрела Найду. Собака доверчиво лежала на спине, смешно разбросав в стороны свои длиннющие лапы, умильно смотрела на хозяйку. Да, похоже, соседка не ошиблась! Елена ласково прижала к себе эту красавицу.

– Ну ты даёшь, старушка! Надо же, от породистого кобеля рожать не захотела, а теперь пожалуйста! И кто же этот неотразимый кавалер? На кого твои щенки будут похожи?

Женщина давно заметила за собой, что дома постоянно разговаривает с собакой. Ну и ничего страшного! Ведь не сама с собой... А Найда словно понимала: била во всю обрубком хвоста, тянулась к ней мордочкой, пытаясь лизнуть.

– Не оправдывайся, не оправдывайся! – смеялась Елена, уворачиваясь. – Что уж теперь, будем рожать. Это ты мне вместо внуков решила преподнести!

С мужем она разошлась давно, когда дочь Танюша была маленькой. Тот уехал в другой город, там у него семья, дети... Совсем чужой человек. А Татьяна пять лет назад вышла замуж за выпускника военной авиационной академии, молодого офицера. Год они прожили здесь, а потом Игорь получил назначение на Дальний Восток, в какой-то элитный и засекреченный авиаотряд. Молодая семья уехала, Елена и радовалась за дочь, и переживала. Ведь так далеко от неё Таня, и у Игоря опасная профессия... Словно чуяла неизбежность беды. Через три года там, на Дальнем Востоке, Игорь умер. И не в самолёте разбился, не при испытаниях погиб, а просто утром делал зарядку, наклонился за гантелями, и упал без сознания. Так и не очнулся: оторвался в сосуде маленький тромб, перекрыл доступ крови к мозгу... В двадцать шесть лет дочь осталась вдовой. В свой родной город, к матери, возвращаться не захотела, живёт в том военном городке, преподаёт детям музыку.

А вот сама Елена уже не преподаёт, год назад ушла на пенсию. Если честно, то её, как говорят, «ушли». И это было особенно обидно, ведь со своей родной музыкальной школой она пережила самые трудные годы! Разгар «перестройки», когда и зарплату месяцами не выдавали, и учеников в школе почти не осталось: интеллигентные семьи не имели денег на оплату учёбы, а новоявленные богачи относились к музыке с презрением. Многие учителя уволились, но Елена и несколько других энтузиастов не сдавались, не бросили тех немногих ребятшек, которые продолжали ходить, учить сольфеджио, играть гаммы, петь в хоре... И вот дождались! Времена как-то незаметно поменялись, многие люди стали лучше жить, а нувориши сообразили, что классическое образование их детей – это тоже капитал. Пошёл такой наплыв учеников, что школа, которую ещё недавно собирались закрывать, теперь работала чуть ли не в три смены. С утра до вечера вокруг красивого двухэтажного особняка в центре города хорошо слышимой аурой витала музыка. К теперь уже стабильной и повысившейся зарплате прибавлялись доплаты за организацию концертов, репетиции ансамблей, дополнительные занятия.

Всё, казалось бы, хорошо, но вот атмосфера в учительском, давно сложившемся сообществе, как-то незаметно тоже поменялась. Бессменная двадцать лет директриса, принципиальная, но всегда одинаково справедливая ко всем, вдруг стала неуравновешенной. То истерично требовательной и раздражённой, то сусально приветливой, даже угодливой. Её стали привозить и увозить на машинах родители богатых учеников, что в прежние времена было просто недопустимо. На конкурсы и концерты она своим распоряжением выдвигала часто не лучших учеников, а тех, с кем ездила в машинах. В школе появились новые учителя, и это было закономерно. Вот только Елена скоро поняла, что многим новым – особенно из молодых, – ещё самим нужно учиться и профессии, и педагогике. Но это всё были чьи-то протеже, о чём директриса говорила не стесняясь, а гордясь. Что ж, какое время, такие и песни, это давно известно. Сама Елена продолжала работать как всегда, с полной самоотдачей, учеников не выбирала, как некоторые из её новых коллег, готовила тех ребят, которых ей направляли. Сдерживала себя, молчала. Но после одного инцидента, когда на международный конкурс юных пианистов в Прагу направили не её ученицу, прошедшую все предварительные отборы, а девочку очень средних успехов, не выдержала. Пришла к директрисе, – ведь двадцать же лет вместе, до недавнего времени такими подругами были! – высказала всё, что накопело. А та ей ответила сухим, прямо царапающим слух голосом:

– Вы, Елена Владиславовна, по выслуге лет уже достигли пенсионного возраста? И здоровье у вас не очень хорошее, вижу, и сейчас давление подскочило... Вам надо отдыхать, лечиться. Подумайте об этом. Тем более что сейчас у нас в школе учителей много, и ещё просятся. У нас очень хороший рейтинг! А вас проводим с почестями...

Елене и правда тогда ещё не исполнилось и пятидесяти, о пенсии она совершенно не думала. Традиционно многие учителя музыки продолжали работать до настоящей старости, и

всегда ценились. Елена хотела напомнить директрисе, что та старше её лет на семь. Но глянула на мелированные в два цвета волосы той, густую косметику на лице, на туфли с длиннющими шпильками-гвоздиками, на которых женщине – невооружённым глазом заметно, – так трудно удерживать полное тело, ощутила витающее облако сладковатых духов, и пожалела свою коллегу. А через недолгое время и правда подала заявление об уходе. Стала жить на пенсию. И оказалось, как часто бывало в её жизни, что так даже лучше.

Она стала вновь читать запоем. С молодости была большой любительницей книг, но последние годы так не хватало времени! И вот она с удовольствием перечитывает прежде любимые книги из своей библиотеки. Самые разные: Лескова, Тургенева, Томаса Гарди, Ирвина Шоу, Шекспира и Бомарше. Стала покупать на книжном рынке, вдобавок к тем, что у неё были, книги Агаты Кристи – всегда любила психологический детектив этой писательницы и её постоянных героев Пуаро, мисс Марпл. Обнаружила новые книги Дафны Дю Морье, тоже купила, хотя стоили те не дёшево. Но Елена занималась частным образом с двумя учениками, и это был приличный довесок к её пенсии. А ещё неожиданно для себя пристрастилась смотреть телевизор, к которому раньше относилась скептически-равнодушно. Но не бесконечные сериалы, а аналитические, публицистические программы, каналы «Культура», «Ностальгия», «Наше кино». Вообще, жизнь на пенсии оказалась интересной, насыщенной, Елена даже начала вновь сочинять музыку, чего не делала уже очень давно. А главное – теперь она всё время была со своей Найдой.

Много лет собака практически не оставалась одна дома – на час-два, самое больше. Танюша шла в музыкальное училище с утра, а Елена – после полудня, и вскоре после ухода матери возвращалась дочь. Так же происходило и во время учёбы Тани в консерватории. Потом, когда дочь вышла замуж и уехала, для собаки наступили непривычные, трудные времена. Именно в эти годы Елене работать приходилось так интенсивно, что Найда часто сидела взаперти с утра до вечера. Когда же Елена бегом бежала домой уже затемно, с первого этажа слышала, как скулит и бьётся о двери учуявшая её Найда. Теперь всё поменялось. Хозяйка и собака не расставались, даже в магазин ходили вместе. Один из Елениных учеников жил здесь, в их дворе, и сам приходил к ней на занятия. К другой, – девочке, – Елена ездила. Вернее, её возили на машине – туда, к богатому коттеджу родителей ученицы, и обратно. Так что Найда особенно и не успевала соскучиться.

Из-за Найды Елена всё никак не могла собраться поехать к дочери. Правда, Татьяна её и не звала. Даже о смерти Игоря сообщила матери письмом, когда того уже похоронили и отметили девять дней. Письмо это было такое сдержанное и сухое, что у Елене сердце заболело. Не от обиды, нет! От жалости к дочери, своей девочке, которая и росла всегда неподступно-самостоятельной, ранимо-закрытой, словно боялась опеки матери. От этого Елена так редко говорила ей ласковые слова, старалась вести себя с дочерью как с подругой, равной себе. Боялась, что вырвавшаяся её нежность натолкнётся на Танюшкино колючее, уязвимое неприятие. И теперь она понимала: дочь всё так же боится увидеть материнскую жалость, нежность, ласку. Как будто этими чувствами можно обидеть! Господи, до чего же упрямая у неё девочка, всё «Сама, сама...»! Жаль, что у них с Игорем не успел родиться ребёнок, может быть тогда бы Таня поняла материнское сердце... Впрочем, она совсем ещё молода, пройдёт время, вновь полюбит, выйдет замуж... Так мечтала Елена, но, зная дочь, допускала и другое: останется Татьяна верна своему умершему мужу на всю жизнь! Она ведь у неё девочка верующая и с Игорем венчалась. А для таких, крепких в вере, венчание – оно и на жизнь, и на смерть...

Не включая свет, Елена подошла к окну, отодвинула штору. Последнее время она любила подолгу смотреть на свой двор вот так, поздним вечером. Освещённый двумя мощными фонарями, он был весь как на ладони. А сегодня ещё ярко светила полная Луна, так что на деревьях просматривались даже тоненькие веточки! Сейчас, в октябре, листья частично пооблетели, и полуобнажившиеся ветки в серебряном лунном сиянии – словно плетённое кружево...

Сердце у женщины томительно замирало: это был двор её детства, юности, зрелого возраста. И сейчас, когда наступило время преклонных лет, она, глядя на огромные, выросшие на её глазах тополя, на детскую площадку и футбольное поле, на группки кустов и скамейки под ними, на деревянный стол под самым большим деревом-дубом, думала: это всё тоже частичка её жизни... Сейчас двор пуст, только у дальней полуразвалившейся беседки тусуется молодёжь, иногда долетает смех да мигают фонариками мобильные телефоны. А ещё впереди, над крышами домов, вспыхивают, разбегаясь лучами, разноцветные лампочки. Это всю ночь работает иллюминация на крыше недавно выстроенного супермаркета. Красиво – словно никогда не гаснувший фейерверк! Тихо нынче во дворе, редко-редко пройдёт запоздалый жилец, вспыхивая огоньком сигареты, или подъедет к подъезду машина. А днём здесь полно детворы...

Тут Елена внезапно вспомнила. Месяц назад она болела. Был конец сентября, но жара стояла летняя. А в такую погоду болезнь долго не проходит, словно консервируется. В конце-концов обычная простуда окончилась сильнейшей ангиной. От высокой температуры кружилась голова, но выводить-то собаку надо! И она, трясаясь от озноба, тащила с Найдой ненадолго во двор. Поэтому, когда прибежали двое мальчишек с просьбой: «Елена Владиславовна, дайте нам Найду погулять!» – она обрадовалась. Хотя раньше отказывала, говорила: «Нет, мальчики, собака – это очень ответственно. Лучше я сама с ней выйду, а там – играйте сколько хотите». Но в этот раз дала им радостно прыгающую Найду, смотрела в окно, как ребята и собака вместе бегали по двору. А потом сама попросила:

– Приходите ещё, я ведь болею, а ей нужно гулять.

И ребята несколько дней сами выводили Найду, подолгу играли с ней. Но, наверное, и отвлекались на свои собственные игры, зная, что Найда со двора никуда не уйдёт. Видимо тогда и произошла встреча с неотразимым кавалером! Точно, у Найды как раз в те дни была течка. Но Елена, зная, что собака бесплодна, никогда этого не боялась, и потом: последние два года этот процесс протекал быстро и почти незаметно – собака старела.

Женщина вернулась в комнату, села в кресло. И тут же Найда подошла, положила голову ей на колени, стала смотреть в глаза, словно спрашивая: «Что же ты грустишь, всё ведь так хорошо!» Елена не выдержала, рассмеялась, чмокнув свою любимицу в нос, и не успела вернуться – собака лизнула её прямо в губы.

Глядя собаку по бархатистой шерсти, Елена медленно, словно удивляясь, произнесла:

– Десять лет мы с тобой вместе... Это же надо! Десять лет!

Откинувшись на спинку кресла, она стала вспоминать в подробностях, как Найда появилась в их семье. Это были приятные воспоминания.

Фрам

В тот летний день Елена возвращалась домой через парк. Она любила это место, ведь дом её был рядом, а значит всё детство и молодость прошли здесь. Другие ребята только по выходным приезжали сюда покататься на самых лучших аттракционах, на детской железной дороге, на канатке, в городок юных пожарников, в детскую обсерваторию, а она могла прибегать хоть каждый день. Это был Центральный городской парк. Правда, так он стал называться недавно, много десятилетий он был Парком культуры и отдыха имени Горького. В то время, с весны до осени, работали в парке несколько открытых сцен: выступали артисты, устраивались концерты, викторины, праздничные гуляния, играл духовой оркестр. Слава Богу, Танюшиному детству это тоже досталось! Сколько было детских и спортивных площадок, столиков для шахмат и шашек – не сосчитать. И, конечно, большой комплекс аттракционов: колесо обозрения, американские горки, цепные карусели, виражные самолёты...

Аттракционы есть и сейчас, их стало даже больше, называются «Луна-парк», стоят дорого – это теперь чья-то частная собственность. А концертов, лекций, встреч нет и в помине, деревянные сцены гниют, ряды скамеек давно растащили. Зато появилось много маленьких кафе, пивных, ресторанчиков, залов игровых автоматов. Гуляния тоже устраиваются – дважды в год, весной и осенью, местный пивзавод организует «День пива». Надо признать, таких массовых сборищ в прежние времена Елена не видала! Молодёжь съезжается даже из пригородов, выйти в этот день в парк невозможно. И оттого, что сквозь толпу не протолкнёшься, и оттого, что все через чур весёлые и шумные! Милиции много, но драк, стихийно возникающих, ещё больше. Всё завершается фейерверком, да очень красивым. Но ведь раньше салюты устраивали только на площадях города, а не там, где деревья, птицы... Сколько статей писалось о вреде фейерверков природе, но кому до этого сейчас есть дело! После такого веселья ещё неделю парк чистят: он весь усеян битым стеклом, мусором, обломанными ветками, трава вытоптана. И, что поразительно, собирается гора утерянной обуви... О детях тоже «не забывают». Года три назад большую часть парка, у самого входа, огородили гофрированным забором, повесили табличку: «Здесь будет Диснейленд». Многие родители и дети радовались: пусть дорого, но всё-таки интересно... Построили двухэтажный стеклянный дворец – пиццерия с казино. И, словно в насмешку, рядом малюсенький пятачок с двумя качелями и горкой.

Елена как раз выходила из боковой аллеи к этому месту, когда из кустов крупными прыжками выбежал пёс и стал прямо перед ней. Она опасалась незнакомых собак, но у этого чудесного красавца вид был настолько весёлый и добродушный, что она не испугалась даже на минуту. По логике, следом за ухоженным, с красивым ошейником зверем должен был появиться хозяин. Но никто к ним не торопился, не слышно было и окликающего голоса. Пёс недолго рассматривал женщину, подошёл, ткнулся лбом ей в ноги, потом сел и поднял переднюю лапу, протягивая ей. Елена невольно засмеялась.

– Ну, привет, – сказала, взяла и потрясла лапу. – Ты чей? Кто с тобой гуляет?

Пёс радостно взвизгнул в ответ и закружился вокруг неё волчком. Потом снова сел рядом, у левой ноги, подняв морду и глядя ей прямо в глаза.

– Ты хороший, – Елена погладила собаку. – Ну, беги, ищи хозяина. Он тебя тоже, наверное, ищет. Или она...

Сама попыталась пойти дальше. Пёс тут же, с готовностью, двинулся рядом, немного забегая вперёд и весело кивая ей головой. Пришлось снова остановиться.

– Неужели ты потерялся? Хорошо, хорошо, пойдём вместе, поищем твоего хозяина.

Минут сорок они вместе ходили по парку. В середине будничного дня здесь было малолюдно. И, увы, никто не метался по аллеям в поисках утерянного друга, никто не выкрикивал собачью кличку, как Елена ни прислушивалась. Уже совершенно стало ясно, что собака

и вправду потерялась, а она всё никак не могла повернуться и уйти из парка. Оставить его... Впрочем, он, скорее всего, и не позволил бы ей уйти, бежал бы следом. Хотя, кто знает! Елена уже поняла, что пёс хорошо выученный, послушный. Он всё время ходил рядом, а потом, в какой-то момент, осторожно взял из её рук сумочку. Она растерялась, отпустила, и он понёс её в зубах. Когда Елена наконец села на скамью, положил сумочку рядом с ней, а сам опустил свою голову женщине на колени. Глядя его короткую, блестящую, словно бархатную шерсть, она стала рассуждать вслух, словно советуясь с ним:

– Как же ты, такой умница, мог потеряться? Или тебя бросили? Завезли подальше и оставили? Сейчас всего можно ожидать от людей. Может, почему-то стал ненужным, мешать... А, может, твой хозяин обнищал, не может тебя прокормить... Да нет, не похоже! Вон ты какой ухоженный, наверное дорогими шампунями мытый. И по всему видно, очень породистый. И ошейник на тебе дорогой... – Она потрогала крупную, серебристого цвета цепь. – Жаль, что не кожаный, могли бы на нём быть твои координаты: кличка, телефон, адрес... И какой ты сам красивый, я никогда собак такой породы не видела!

Она потрепала его мягкие висячие уши цвета чёрного шоколада, такого же, как и вся симпатичная морда пса, и шея. А дальше, всё его крепко сбитое тело, короткий купированный хвост и стройные длинные ноги были словно мраморные – белые с мелким чёрным крапом. Такой же мраморный аккуратный треугольник выделялся, как нарисованный, на коричневой шее.

Конечно, она возьмёт его с собой, что же делать, раз так случилось. И, призналась Елена себе, она уже полюбила этого найдёныша. Даже страх новых забот отступил. Ведь Танюшка всё своё детство просила: «Собачку, собачку!». А она, мать, отвечала: «Что ты, собака столько времени и усилий требует! Раза три подолгу с ней гулять, готовить, кормить, убирать, учить... Ни за что!» А теперь вот, пожалуйста, сама приведёт собаку в дом! Господи, как же рада будет дочь!..

Несомненно, пёс был не только хорошо обученный, но и сам по себе умный. Как только они зашли в квартиру, он остановился у порога, стал смотреть на Елену.

– Ты хочешь, чтоб я тебе здесь постелила, в коридоре?

Она быстренько нашла старое, ещё Танюшкино детское одеяльце, разложила его как раз в подходящем закутке под вешалкой, похлопала ладонью:

– Ну, иди сюда! У твоих хозяев твоё место тоже, наверное, было в коридоре. Смотри, как здесь уютно, иди!

Но пёс вдруг фыркнул явно насмешливо, и гордо прошествовал к двери ванной комнаты. Лапой ловко открыл её, и когда удивлённая Елена побежала следом, он уже запрыгнул в ванную и стоял там, тыча носом в свисающий шланг душа.

Что уж тут было не понять! Конечно, такой пёс не мог жить в коридоре, как дворняжка. Но прежде чем он шёл в комнаты, ему, видимо, всегда мыли лапы...

Когда вернувшаяся из школы Танюшка зашла в комнату, она ахнула. На диване вальяжно лежал, элегантно скрестив перед собой длинные лапы, красавец-пёс. Девочка тут же бросилась к нему, обхватила за шею, прижалась... А потом так же восторженно обняла мать.

– Мапочка, это наша собачка? Ой, как хорошо! Спасибо!

Прошло много лет, но Елена никогда не забывала тот выплеск эмоции, то счастье на лице, в глазах, в голосе дочери. Ведь Танечка очень редко проявляла свои чувства, особенно вот так – нараспашку. Но всё-таки девочка у неё всегда была доброй, чувствительной, и поняла, когда Елена объяснила ей: потерянную собаку наверное ищут, любят, переживают. Таня согласилась, надо попробовать отыскать хозяев. Но в утешение ей мать пообещала: если никто не найдётся, пёс останется у них навсегда.

Таня хотела придумать имя, но Елена отговорила.

– Оно у него есть, просто мы этого не знаем. Если всё решится так, что он станет жить у нас, тогда ты назовёшь его, как захочешь, придётся ему привыкать к новой кличке. А пока будем звать его «Дружок», хорошо?

– Нет, давай он будет «Найдёныш»! Ты ведь нашла его!

И девочка снова обхватила руками шею собаки, прижалась к его коричневой морде:

– Какой ты хороший, Найдёныш!

На следующий день, на работе, Елена попросила машинистку Надю отпечатать объявление. Предварительно они обговорили его. Надя посоветовала:

– Ты не описывай подробно собаку, а то любой может позвонить и сказать: это моя! Ведь ты сама говоришь, что породистая, а такие дорого стоят.

– Нет, нет, я буду подробно расспрашивать! А напишем коротко: «В центральном парке найдена собака охотничьей породы». И мой телефон. Знаешь, Наденька, я не знаю, что за порода, похоже редкая, но что охотничья – это точно. Уши висячие и ноги длинные... А если кто позвонит, пусть сам опишет собаку, да скажет, какой на нём ошейник.

Надя резво отстучала под копирку несколько экземпляров и посоветовала ещё:

– Ты, Елена, обязательно вознаграждение потребуй! Судя по всему, те люди не бедные, пусть отблагодарят тебя.

По дороге домой Елена приклеила объявления на столбах, деревьях и заборах парка. Звонки были – три. Мужчина искал овчарку, две женщины – лохматых собачек неопределённой породы. К концу недели звонки прекратились, хотя объявления висели на своих местах. Таня, замирающая вначале при каждом звонке, веселела с каждым днём. Она теперь бежала из школы домой ни на что не отвлекаясь, вела Найдёныша гулять, кормила его тем же, что ела сама – супом, кашей, творогом, колбасой. Потом садилась делать уроки, и пёс ложился рядом с её столом, в кресло, внимательно склонив голову, слушал. А Таня вслух читала ему условия задач, стихи, историю, географию. А когда играла на пианино, Найдёныш клал голову на вытянутые лапы, шумно вздыхал, а временами тихонько подвывал, словно подпевал... Идиллия, и только!

Потому Елена не стала говорить дочери, что вновь дала объявление о собаке, на этот раз на областной телевизионный канал, несколько раз в день запускающий целые рекламные блоки. Девочка гуляла с Найдёнышем, когда она включила телевизор, чтобы убедиться – её объявление в эфире. Да, так оно и было: короткий текст о найденной в центральном парке собаке. Она ещё успела пожалеть, не слишком ли скупое дала сведения, потому что подобных объявлений было сразу несколько. Но тут раздался звонок. Мужской голос, приятный, сдержанный, спросил:

– Я только что видел объявление... Это вы нашли охотничью собаку?

Елена не ожидала такой быстрой реакции, растерялась и сначала просто кивнула. Потом спохватилась, быстро сказала:

– Да, нашла, в центральном парке.

– Когда?

– Неделю назад.

Она назвала число. Голос мужчины явно оживился.

– А как она выглядит?

Тут уже Елена веско, несколько менторским тоном ответила:

– Если вы потеряли собаку, опишите вы её.

– Да, да! – Быстро согласился незнакомый собеседник. – Вы совершенно правы... Значит так: это мальчик, молодой, общительный и добрый. Породы курцхаар.

– Я не знаю, что это за порода, – растерялась Елена. – Как он выглядит?

Но она уже начала волноваться, предчувствуя... Мужчина на том конце провода тоже явно волновался. Он начал рассказывать:

– Это крупный пёс, но не такой, как дог, поменьше. Поджарый, длинноногий. Уши висячие, но не слишком длинные, хвост купирован. Голова и шея коричневые, остальное тело – в мелкую коричневую, почти чёрную крошку... Что ещё?.. Да, белый, в такую же крошку, треугольник на шее.

Он замолчал, Елена тоже молчала. Она уже поняла: это – хозяин Найдёныша. Но всё-таки спросила:

– А что он умеет делать? Сумочку носит?

– Милая вы моя! – Воскликнул мужчина вместо ответа. – Как я вам благодарен! Конечно же это Фрам! Вы подведите его к телефону, я позову, и вы убедитесь, что это он!

– Его сейчас нет, дочка с ним гуляет во дворе. Но они скоро вернуться, я вам перезвоню, дайте свой телефон.

– Пожалуйста, сразу же! – Попросил мужчина и продиктовал номер.

Елена выглянула в окно. Таня уже подозвала Найдёныша, он послушно подбежал, давая взять себя на поводок. Сейчас они придут, она скажет дочери... Как же ребёнок будет огорчён! Она и сама немного затосковала. Но согревала мысль о том, что у этого милого пса хороший хозяин, он любит его, волнуется, и голос у него такой приятный...

Пока Елена рассказывала дочери о звонке и набирала номер телефона, девочка стояла, крепко сжав губы и всем своим видом выражая скептицизм: ерунда, это очередная ошибка и сейчас это выяснится! Из трубки, поднесённой к уху Найдёныша, раздался громкий, хорошо ими тоже слышимый голос:

– Фрам, мальчик, ты узнаешь меня? Ну-ка, сделай «Ап»!

Пёс в ту же минуту завертелся волчком, залаял и заскулил одновременно, а потом стал в стойку, полуприсев на задние лапы, насторожив уши и красиво подняв правую переднюю лапу. Всё было ясно. И когда мужчина радостно воскликнул в трубку:

– Это он, вы видите! Он сейчас в стойке?

Елена кивнула в ответ и лишь потом, сообразив, ответила:

– Да, стоит, лапку поднял.

Она продиктовала адрес, и через полчаса хозяин Фрама приехал на машине, привёз бутылку хорошего вина, коробку конфет, мясной и рыбной нарезки. По тем ещё скудно денежным временам Елена и Таня таких дорогих продуктов и не пробовали. Голос этого человека оказался не обманчивым, внешне он тоже был очень приятным: невысокий, спортивно-худощавый, с копной густых седых волос и аккуратной тоже седой бородкой. Он выглядел молодо, но скоро Елена поняла, что Альберту Васильевичу явно за шестьдесят. И восхитилась его энергии и жизнелюбию. Даже Таня, ждавшая напряжённо и недобро, быстро оттаяла под взглядом его весёлых ласковых глаз... Да и разве мог быть у такого прекрасного, доброго пса другой хозяин!

Альберт Васильевич сразу же рассказал, как Фрам потерялся.

– Он ходит рядом со мной без поводка, слушается отлично. Мы погуляли с ним, как всегда, в небольшом скверике недалеко от дома, и уже возвращались. Я свернул купить сигарет к будке около трамвайной остановки. Как раз подошёл трамвай, пятый номер, стал, открыл двери. Я купил сигарет, повернулся – Фрама нет. Первое что, со страхом глянул на рельсы! Трамвай уже ушёл, набирал скорость, но рельсы были, слава Богу, пусты. Тогда я стал звать его. Он ведь быстроногий, бегают, как молния! Я вернулся в сквер, там искал, потом побежал к дому, думаю: Фрам дорогу знает, вдруг уже там... В общем, искал часа два, всё вокруг обходил. Побыл немного дома, снова пошёл искать. Ночь не спал, всё к двери подходил, открывал, смотрел: казалось, Фрам вернулся, скулит под дверью... На другой день дал объявления в разные газеты и на телевидение.

– Надо же, а я не догадалась объявления о розыске посмотреть! – воскликнула Елена. – Сама объявления развешивала в парке... Да, а как же он в парке Горького оказался?

– Знаете, когда я увидел ваше объявление в рекламном блоке, я просто сердцем почувал, что это Фрам! Хотя оно и было очень скучным, говорилось только, что пёс охотничий. И что найден в центральном парке. Вот тогда я и вычислил, как всё случилось. Трамвай! Пока я покупал сигареты, он запрыгнул в трамвай, двери закрылись, трамвай поехал, я оглянулся – Фрама нет! А пятый номер ходит ведь до центрального парка?

– Да, здесь у него конечная остановка, круг.

– Вот, вот. Все люди стали выходить, и он вышел.

– Побежал по парку и встретил маму! – подхватила Танюша. И спросила удивлённо. – А зачем он в трамвай прыгнул?

– А это давай мы у него спросим, – засмеялся Альберт Васильевич. – Что скажешь, Фрам-путешественник?

Фрам, смиренно сидевший у его колен, радостно заколотил обрубок хвоста по полу. Потом, поймав ревнивый Танин взгляд, подошёл к ней, положил голову на колени. Елена поразилась, насколько красноречивые – счастливо-извиняющиеся – глаза были у этого пса! Она просто поверила, что понимает его мысли: «Прости, девочка, ты очень хорошая, но это мой хозяин, я люблю его больше всех и пойду с ним...»

Тогда, от Альберта Васильевича, мать и дочь узнали, как называется такая порода. Курцхаар!

– В некоторых зарубежных справочниках говорится ещё «короткошёрстный немецкий пойнтер». Но я предпочитаю это название – курцхаар. В переводе с немецкого: короткий волос. Ведь и правда, Танечка, у него шёрстка, как бархат или плюш.

Они вместе погладили Фрама, и Таня спросила:

– А вы с ним ходите на охоту?

– По-настоящему пока ещё нет. Он ведь молодой, всего год от роду. Но вот уже полгода я его специально обучаю, дрессирую. Знаете, есть собаки очень красивые, или, как мы говорим: «безукоризненного экстерьера». Но это в основном выставочные собаки, лауреаты выставок. А есть победители полевых испытаний, или, попросту, отличные охотники. А Фрам у нас сочетает и то, и другое! Он очень красив – по всем выставочным меркам. В то же время у него прекрасные задатки охотника, полученные от его родителей – отличных рабочих собак. Мы с ним вот уже два месяца выезжаем за город, в лес, в поле, но без ружья. Так положено.

– И что же вы там делаете? – Елене тоже было интересно.

– Учю Фрама быть настоящим компаньоном. Например, замереть, сделав стойку, если наткнулся на зайца, а не мчаться за ним.

– Почему?

Альберт Васильевич засмеялся.

– Даже такая быстроногая легавая может легко упустить зайца. А если всё же загоняет, то в азарте погони схватит и разорвёт его... Нет, Фрам должен стойкой дать мне понять: «Здесь заяц!» Зайчишка с перепугу на первое время тоже замирает, это даёт охотнику возможность обойти его с другой стороны. Когда же заяц рванётся, он обязательно побежит в сторону от собаки, а значит – прямо на охотника.

– Да, такого добиться не просто!

– Верно, – согласился с Еленой Альберт Васильевич. – Но Фрам умница, у него уже многое получается. Он аккуратно берёт и приносит мне дичь, правда, ещё не настоящую. Имитацию, но очень похожую. Из воды тоже достает, плавает отлично. Он хорошо работает в поиске, а этого тоже не просто добиться от собаки... В общем, когда в августе откроется сезон охоты, Фрам уже будет готов к своему первому настоящему выходу.

Вскоре они стали прощаться. Альберт Васильевич сам попросил взять вознаграждение.

– Елена Владиславовна, Танечка, вы и представить не можете, как вы меня осчастливили! Ведь Фрам мог попасть совсем в другие руки, даже представит страшно! И вы целую неделю его кормили, ухаживали...

Он протянул Елене купюру: она всего один раз видела такую – пятьдесят долларов. Огромные деньги! Но почувствовала, как жаром стыда обдало лицо, сказала сразу охрипшим голосом:

– Не обижайте, Альберт Васильевич! Мы ведь его полюбили, Фрама-Найдёныша...

Он посмотрел ей в глаза, понял, опустил руку.

– Хорошо, – сказал. – Я поступлю по-другому. Сейчас Фрам очень молод, но года через два мы подыщем ему невесту... В общем, Танечка, когда Фрам станет папой, ты возьмёшь его щенка?

– Ой, да, да, хочу!

Таня запрыгала и захлопала в ладоши.

– Вот и отлично, – сказал Альберт Васильевич. – Ждите. Я не забуду.

Найда

Машина мчалась по широкой трассе что называется с ветерком... Недавно Елене пришлось ехать по этой же дороге на маршрутном такси, и дважды они надолго застревали в «пробках». Десять лет назад об автомобильных пробках приходилось слышать только в зарубежных новостях. Потому автомобиль катил быстро, легко. Мать и дочь сидели рядом, сзади водителя, Таня была в приподнятом, радостном настроении. Именно она взяла трубку, когда позвонил Альберт Васильевич, спросил, помнит ли она его, и сказал: «Щенок ждёт свою юную хозяйку! Вы с мамой не передумали?»

Он прислал за ними своего зятя, и теперь этот мужчина лет сорока по имени Виталий вёз их в один из городских микрорайонов. По пути он рассказал, что у Фрама от его подруги, такой же красивой и именитой курцхаарочки, родилось шесть щенков. У владельцев породистых собак есть правило: хозяин кобеля получает двух щенков из помёта. Это его вознаграждение: такие элитные собачки очень дорого стоят. Их появление планируется заранее, потому и очередь на них «выстраивается» заранее. Причём, приезжают люди из других городов, даже стран. Но Альберт Васильевич сразу сказал, что продаст только одного щенка, второй – это подарок.

Таня рядом с Еленой глубоко вздохнула, и мать подумала, что девочка всю дорогу сдерживала, таила дыхание, боясь поверить. И вот только сейчас... Сама Елена за минувшие два года уже и перестала думать о собаке, вновь вернулась к давнему мнению: собака в доме ни к чему, без неё спокойнее. Время шло, и она совсем уже уверилась, что симпатичный хозяин Найдёныша о них забыл. Это тогда он поддался порыву чувств... Да и к лучшему! Но когда Таня протянула ей трубку, и она узнала звучащий голос, вдруг разволновалась. От радости! Ведь как хорошо, что люди, которым поверил, оправдывают твою веру. И от этого светлого чувства ей сразу захотелось поскорее взять чудесную маленькую собачку, несомненно очень похожую на Фрама. Да, жили они ещё скудно, но всё-таки чуть получше. Таня даже стипендию получала в музучилище. Она уже взрослая девочка, почти девушка, помощница. Так что заботы о собаке не будут в тягость...

Таня с Виталием как раз говорили о собаках.

– Да, – отвечал тот девочке, – у меня тоже есть пёс.

– Курцхаар?

– Нет. – Мужчина полуобернулся, улыбнулся ей. – Французский эпаньель, есть такая порода, тоже охотничья.

– А какой он?

– Не такой элегантный, как курц, но тоже очень красивый. Среднего размера, длинноногий, длинноухий, чёрно-белый, шерсть такая, словно ему сделали крупную завивку.

– Какой хорошенький! Мы его увидим?

– Нет, он отсюда далеко. Остался дома, в Канаде...

Елена слушала невнимательно, немного отвлеклась на свои мысли. Потому не сразу поняла, о чём говорит Виталий и почему Таня воскликнула:

– Как жаль!

Встрепенувшись, спросила:

– А что такое?

– Мы забираем отца с собой в Канаду, – повторил Виталий. – Мы сами там давно живём: я с женой – дочерью Альберта, – и два наших сына. Мальчики подросли, им такой дед, как Альберт, очень нужен. Он долго упорствовал, оставался здесь один. Ну, не совсем – друзей у него много. Но мы – его единственная семья. А он хоть и молодцом держится, всё-таки стареет... Вот, наконец согласился. Документы уже почти все оформили, через месяц уедем.

Альберт Васильевич и Фрам их встречали вместе. Елена смутилась, когда Таня, даже не поздоровавшись, кинулась к Найдёнышу, обняла его за шею. Но Альберт Васильевич, пожимая ей руку, тихонько сказал:

– Ничего, так и надо...

Потом он поцеловал девочку в щёку, воскликнул:

– Да вы просто красавица, юная леди! Это тебе, Танечка?..

– Семнадцать, – подсказала Елена. – Она уже готовится в консерваторию поступать.

В это время комнатная дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель, тонко и весело потявкивая, выкатились два щенка. Елена и Таня одновременно ахнули: до чего же они были хороши! Ещё по дороге Виталий сказал, что щенки – девочка и мальчик, и что можно выбрать любого. Таня тут же заявила: «Мальчика!» Конечно, ей хотелось второго Фрама. И теперь она мгновенно подхватила на руки одного из щенков – точную копию стоящего рядом Фрама-отца. Коричневая головка с висячими шелковистыми и тоже коричневыми ушками, и мраморное тельце. Даже мраморный треугольничек на шоколадной шейке был точно такой же! Второй щенок был немного другой окраски: почти весь коричневый, только бока и ноги крапчатые.

– Вот этого! – сказала Таня восторженно, а потом, спохватившись, добавила, – Если можно?

– Отлично, – кивнул Альберт Васильевич. – Это прекрасная девочка.

– Девочка?

Голос у Тани растерянно дрогнул, но щенка она не отпустила. Она полюбила его с первого мгновения, как только прижала к себе. Он сразу же стал её, только её!..

– Значит, девочка, – кивнула она. – А имя у неё уже есть?

– Пойдёмте в комнату, – пригласил хозяин. – Я вам всё расскажу.

Стол уже был накрыт: стояла бутылка красного вина, нарезанные колбаса, копчености, даже бутерброды с икрой. Альберт Васильевич спросил, можно ли налить Тане: вино полусладкое, хорошее, лёгкое... Елена разрешила немного. После первого тоста он дал им полную инструкцию. Для маленькой собачки уже были выправлены все документы, где указана её родословная в пяти поколениях. И её имя.

– Элизабет-Надин-Белльфонтэн, дочь Надин-Шарлотты-Берилл и Фрама-Блисси-1-Дюка. Надин – это имя матери нашей малышки. Оно обязательно повторяется вторым в именах всех её детей. Так положено породистым элитным собакам. Но вы можете звать её, как сами захотите. Например, Бетти, по первому имени, или Белла – по третьему.

Танюша промолчала, но по чуть сдвинутым бровям дочери Елена догадалась, что та уже выбрала имя своей собаке. Однако почему-то не сказала, утаила.

Альберт передал им все документы и листочек бумаги, где был записан какой-то адрес.

– Это очень хороший клуб собаководства, недалеко от вас. Вы пойдёте туда со всеми документами, щенка регистрируют и включают во все обязательные программы. Она вас прославит, вот увидите. И материально поддержит.

– Но мы не охотники и вряд ли ими станем, – сказала Елена.

Альберт Васильевич засмеялся.

– Знаю, знаю. Что ж, для собак этой породы существуют два вида состязаний, я вам когда-то уже говорил. Одни становятся лауреатами выставок, другие – победителями полевых испытаний. Значит, ваша Элизабет станет участвовать в выставках. Это тоже хорошо. А вы будете с ней побольше гулять, у вас рядом такой прекрасный лесопарковый массив. Но главное, вы её будете любить, я в этом нисколько не сомневаюсь. Для собаки ведь это самое главное.

Таня вдруг спросила:

– А там, куда вы уезжаете, в Канаде, Фрам будет охотиться? Там есть где?

Ответил Виталий, успел первым. Они уже пили чай, и он сидел с ними за столом. Елене показалось, что ответил поспешно, словно продолжая какой-то прежний, им не известный разговор или спор.

– В Канаде охота очень популярна! А Фрама с нетерпением ждут в самом элитном клубе. И его хозяина, конечно, тоже. Там есть места просто первозданных лесов. Причём природа та же самая, что здесь. Знаете такую бардовскую песню: «Над Канадой небо синее, меж берёз дожди косые. Так похоже на Россию...»

– Только всё же не Россия, – закончил Альберт Васильевич.

...Десять лет назад всё это происходило, а вот стала Елена вспоминать, и такие припомнились подробности, детали... Как щенок, опущенный Таней на пол, первый раз побежал по квартире, очень ловко – со второго раза, – запрыгнул на диван и сел в такой же позе, как когда-то сидел Фрам. Только взрослый пёс выглядел элегантно, а этот – забавно.

– Как же ты её решила назвать? – спросила дочку Елена.

– Найда! – ответила Таня очень решительно, словно боялась возражений. – У неё ведь второе имя Надин? И потом – она дочка Найдёныша. Значит Найда.

* * *

Какая она была забавная, эта маленькая Найда! А теперь у неё самой скоро появятся щенки. Они тоже, конечно, будут и весёлыми, и игривыми. Но вот врождённые охотничьи инстинкты, сохранятся ли они у них? Найда ими обладала. Елена прекрасно помнила ту единственную настоящую «охоту» своей собаки.

Однажды ей позвонила сокурсница по консерватории.

– Ленка, у нашей Доры Семёновны скоро юбилей, 80 лет! Представляешь!

Дора Семёновна была ведущий преподаватель их курса. Маленькая, худенькая, энергичная и острая на язык, строгая и требовательная. И очень любимая всеми студентами. Сокурсница рассказала, что Дора Семёновна теперь живёт на очень скромную пенсию, сама отметить свой юбилей не может. Но Миша Гутников, тоже их студент, а нынче довольно обеспеченный предприниматель, предложил собраться у него на даче, поздравить старушку, погулять. Да и просто встретиться – все давно не виделись. Курс у них был небольшой, некоторые ребята разъехались по другим городам и странам, так что соберутся человек десять. Елена с радостью согласилась.

Михаил повёз Дору Семёновну к себе на дачу на машине, прихватив ещё двух однокурсниц – помогать готовить, накрывать столы. Остальные семь человек встретились на пригородной платформе, поехали электричкой до станции Введенки, а там через посёлок, поле и лесопосадку пошли к даче: один из их парней знал дорогу.

Шли по негустой лесной посадке, вдоль берега реки, веселились, болтали. У Елены и само по себе настроение было отличным: словно вернулась молодость. А ещё она радовалась, что взяла с собой собаку. Найда просто вырвалась на свободу! Носилась между деревьями петляя, как заяц, выбегала в поле и мчалась огромными прыжками настолько красиво, что друзья охали, а кто-то восторженно сказал:

– Как в кино!

Забегала мимоходом в воду, плескалась, фыркала, выскакивала на берег, отряхиваясь и повизгивая от удовольствия. А в одно место – заболоченное и поросшее камышом, – нырнула надолго. Вся компания остановилась, поджидая собаку, но та почему-то долго не выходила, доносилось сильное шуршание травы и плеск. Елена вдруг испугалась:

– Может, она увязла в болоте? Надо ей помочь!

Но один из ребят, Виктор, уверенно покачал головой:

– Тихо, не мешай ей! Она охотится!

Шуршание и возня стали сильными, близкими, и вдруг из осоки прямо на них выскочила огромная рыжая ондатра. Это потом тот же Виктор сказал им, что это водяная крыса-ондатра, тогда сразу ни Елена, никто другой зверя не узнали. Только вскрикнули от неожиданности... Сразу за ондатрой выпрыгнула Найда. Она вертелась вокруг своей добычи так ловко, что ондатра не могла уйти ни вправо, ни влево – только вперёд, прямо под ноги стоящей группки людей. При этом собака не лаяла, не визжала: молча делала своё дело – умело, профессионально! Ну прямо бери добычу, вот вам она! Правда, такого зверя голыми руками не возьмёшь... Виктор потянулся за толстым суком, но тут женщины испугано закричали, заверещали, Елена ухватила Найду за поводок, оттащила. В общем, дали ондатре уйти.

– Эх, – сказал с досадой Виктор, – какой прекрасный мех отпустили! А главное, собаку обидели!

Елена тащила Найду на поводке: та всё рвалась вернуться к камышам, скулила. И потом весь этот день и ещё несколько следующих демонстративно игнорировала подлизывающуюся к ней Елену: отворачивала голову, а то вообще вставала и уходила, не давая себя ласкать. И правда, обиделась! Долго не мог успокоиться и Виктор. Уже и пиршество было в разгаре, и разговоры шли совсем о другом, но как только его взгляд падал на Найду, он тут же с упреком выговаривал Елене:

– Какая собака! Каких кровей! Это же надо – без натаски и обучения так охотиться! Почуяла зверя, выследила, профессионально загнала... Эх! А ты её в «дивантерьера» превратила!

Наверное, он был прав, но ведь сколько других пород собак просто живут в городских семьях, а не «работают» по своему назначению: сторожевые, бойцовские, ищейки... А врождённые инстинкты у Найды и в самом деле были превосходные. Хотя бы ловля летающей тарелки... Давно, когда Танечке было лет шесть, Елена купила ей красный, из толстой эластичной пластмассы диск – «летающую тарелку». Одно лето они играли им, бросали друг другу, ловили. На следующее лето увлеклись бадминтоном, а о тарелке больше не вспоминали. Она осталась лежать на антресолях вместе с другими невостребованными детскими игрушками. А потом Елена увидела в одном американском фильме, как такую точно тарелку ловит собака: хозяин бросает, тарелка летит, планируя, а охотничья собака бежит и ловко, в красивом прыжке, хватает зубами тарелку ещё в воздухе. Она даже запомнила, что тарелка называлась «фрисби». И подумала: «Вот здорово! Может и у Найды так получится?» В фильме собака была другой породы, сеттер, но ведь тоже охотничья...

Она достала тарелку, смыла с неё вековую пыль и взяла, когда повела собаку гулять. Годовалая Найда была весёлым, неутомимым подростком, бегала, прыгала вокруг хозяйки, словно чуяла, что ей приготовлена новая забава. Елена примерилась: отлично, рука помнила нужное движение. Тарелка полетела, планируя почти так же, как в том фильме. И Найда рванула следом, нагнала, взлетела в воздух, вытянув гибкое длинное тело, и поймала тарелку! Да не просто поймала: развернулась, побежала к хозяйке, держа «фрисби» в зубах, и отдала той прямо в руки! Елена охнула от восторга. И не только она: рядом раздались вопли восхищения, и несколько ребят, играющих в этот летний день во дворе, подбежали к ним... С этого первого броска началась целая эпопея верной дружбы Найды и Елены с дворовой детворой.

Ребята

Ноябрь стоял слякотный, но довольно тёплый. Гуляя с Найдой, Елена уже не давала ей подолгу бегать, всё больше водила на поводке. Старалась выводить её в такое время, когда не гуляли другие собаки. Найда ведь дружила со всеми, очень любила играть, особенно с резвой боксёршей Демой и красавцем чёрным терьером Флэшем. Они подолгу бегали друг за другом, прыгали. Но теперь ей этого не стоило делать. Так же, как и ловить «фрисби». Все ребята во дворе знали: Найде нельзя бросать тарелку, потому что она ждёт щенков. От этой новости детвора была в восторге, кое-кто уже уговаривал родителей взять щеночка, когда он родится...

За последний месяц Елена почитала специальную литературу по беременности и ценности собак. Да и Мария Ананьевна много ценного ей рассказала. И отговорила вызывать ветеринара для принятия родов.

– Знаешь, сколько на дом вызвать его стоит? Ого! Да ещё на такси его сюда привези, обратно отправь. У тебя деньги лишние, что ли?

– Нет, – покачала головой Елена, – лишних не водится. Но ведь такое серьёзное дело! Не дай Бог что с Найдой... Я откладывала на поездку к Тане...

– Вот и съездишь к дочери, – решительно отрезала соседка. – А мы с тобой и сами роды примем, не велика наука.

– Я боюсь, – откровенно призналась Елена.

– Да ты мне будешь только помогать, я всё сама сделаю. Знаешь, сколько при мне щенков родилось? То-то... А ветеринар, даже если ты договоришься с каким, он ведь сидеть заранее у тебя не станет. А когда позвонишь – пока соберётся, приедет, может и опоздать. А я рядышком, в соседнем подъезде. Как время подойдёт, при тебе буду.

Так и решили.

Елена приблизительно высчитала время, когда Найда должна рожать. Оно приближалось. Однажды утром она увидела, что собака лежит на диване, раскинув лапы, и, скуля, смотрит на свой большой живот. А живот шевелится – ходит ходуном! Елена – к телефону!

– Мария Ананьевна, щенки шевелятся!

Соседка тотчас пришла, посмотрела, кивнула:

– Всё, дня через три родит. Ты эти дни не давай ей никакого мяса, нельзя. Приготовь сменные подстилки, салфетки, йод, ножницы, нитки – чтоб всё было под рукой. Будет часто проситься на двор. Выводи. И следи: как только живот опустится, Найда начнёт скулить, место себе искать, рыть лапами – зови меня.

Боялась не только Елена, но и собака тоже. Две последние ночи просилась к хозяйке в кровать. Она пускала, прижимала горячее тельце к себе, гладила, приговаривая:

– Всё будет хорошо, малышка, скоро деток своих увидишь, оближешь, накормишь...

Роды начались вечером. Мария Ананьевна сразу пришла, некоторое время посидела с Еленой, устраивая стонущую Найду. Однако через время собака успокоилась и даже заснула.

– Я что, ошиблась?

– Не ошиблась, всё верно. Но собаки, как женщины: одна быстро рожает, другая долго. Молоденькие девчонки знаешь, как «отстреливаются»? Только успевают их до роддома довести! А старородящая и по двое суток ходит, мучается. Вот и Найда у тебя вроде такой. Может, и несколько часов будет маяться.

– Что же делать?

– А ничего. Ждать. Спит сейчас, вот и хорошо. Я побегу пока, своих оглоедиков мохнатых накормлю да выведу. Потом снова приду. Не переживай!

Елена осталась одна, села в кресло рядом с Найдой, включила ночник, взяла книгу. Но не читалось. Собака спала на специально приготовленной подстилке, тихонько потягивая во сне. Что-то ей снилось... Женщина и не заметила, как стала вспоминать...

В её детстве двор был многолюдный, дружный. Район называли «престижным центром», однако люди обитали здесь достаточно простые. Неподалёку располагались два небольших предприятия: чулочная фабрика и один засекреченный завод. Однако все знали, что там изготавливают какие-то особенные детали для военных самолётов. Потому в домах, образующих двор, жили в основном те, кто там работал. Инженеры, мастера, техники, рабочие... Тёплыми вечерами мужчины играли в домино за столом под дубом – уже тогда большим. Женщины выбивали дорожки, развешивали на верёвках бельё, обсуждали житейские проблемы, громко учили уму-разуму детей – своих и чужих. Ходили друг к другу на праздники и дни рождения, занимали до получки деньги, из ближайшего детсадика часто приводили не только своего ребёнка, а и нескольких соседских. Детвора – её было много, – играли все вместе, не разделяясь на компании. Ну, может, иногда, на мальчиков и девочек. Мальчишки гоняли на самокатах и велосипедах, если обладатели этих редких машин не жадничали. Девочки расстилали под густыми кустами коврики и играли в дочки-матери. А вот в казаки-разбойники, догонялки и выбивалки носились все вместе...

Таким остался в памяти Елены двор её детства. Тогда она была со всеми и такой, как все. Но уже классу к шестому отошла от дворовых игр: занятия в музыкальной школе занимали всё свободное время. А если его немного оставалось – увлечённо читала книжки. К окончанию музыкального училища и поступлению в консерваторию она уже почти никого и не знала во дворе. А тем более в поздние, новые времена. Ровесники разъехались. Немногие, кто разбогател – в дальние страны или элитные коттеджи. Те, кто обнищал, – продавали квартиры, покупали себе жильё поскромнее, на окраинах города. В их комнаты, делая хорошие ремонты, вселялись другие, незнакомые люди. У подъездов стояли автомобили: в основном, правда, отечественные, но попадались и крутые иномарки. Фабрика и завод много лет не работали, и люди устраивались, как могли. В основном, челноничали: возили товар из других мест и перепродавали на ближайшем рынке. И хотя год назад заработала и фабрика, и завод, купленные новыми владельцами, мало кто вернулся туда: люди привыкли к «рыночным» отношениям, к «рыночной» жизни.

Проходя через двор, Елена иногда припоминала во встречной располневшей женщине «Люду» или «Зину», здоровалась. А иногда какой-нибудь хмельной, обрюзгший и седой мужчина окликал весело: «Ленок, не узнаешь, что ли?» И она в самом деле узнавала – с трудом, – задиристого мальчишку, с которым лазила по деревьям и который ей даже нравился... Стариков, которые сейчас почти не сидели на лавочках у подъездов – так, очень редко, – она не узнавала совсем. А ведь это были родители её друзей детства.

В самые трудные годы дети почти исчезли со двора. Одно время Тане даже не с кем было играть. Правда, она особенно и не была «девочкой улицы»: как и мама, занималась музыкой, читала книжки. Но когда дочка уже была девушкой, Елена заметила, что ребят стало больше. Как-то шла в воскресный день через двор и обратила внимание: вокруг бегают мальчишки и девчонки лет от пяти до десяти. Именно эта детвора и подбежала к ней, когда она первый раз бросила Найде летающую тарелку.

Человек семь-восемь обступили женщину и собаку, а голубоглазый мальчишка лет десяти громко закричал:

– Вот здорово! А можно я брошу?

– И я, и я!.. – тут же стали просить другие дети.

– Хорошо. Только по очереди. Ты, Даня, первый.

Этого голубоглазого, с волосами золотисто-пшеничного цвета она единственного знала по имени. Потому что с утра до вечера под окнами раздавался такой же громкий голос его

бабушки. «Даня, домой!» – звала она. Или: «Даня, не бегай!», «Даня, не лась!», «Даня, не трогай!» А мальчишка домой не спешил, с дерева слезать не торопился, бегал, падал, сдирал колени и снова бегал. Теперь же Елена положила ему в ладонь пластмассовую тарелку, показала, как держать, как размахиваться. Даня бросил, тарелка полетела криво, пошла к земле ребром, но Найда, умница, всё равно схватила её зубами на лету. Дети закричали восхищённо, стали один за другим бросать. Играли целый час. Кто-то ушёл, но подходили другие ребята. Всем было интересно, и Елене тоже. А Найде так даже полезно. Ведь ей необходимо во время прогулок много бегать. А тут ребята так её загоняли, как никогда самой Елене не удавалось.

С того дня и пошло. Елена выходила с собакой во двор, а там их уже поджидала довольно большая компания. Каждый хотел бросать тарелку первым, потому она вспомнила считалочку из своего детства: «На золотом крыльце сидели...» Выходило по справедливости. Поначалу ребята так вошли в азарт, что – то один, то другой – стали прибегать к её квартире, звонить и спрашивать: «А Найда выйдет гулять?» Словно Найда была их подружкой! Пришлось Елене провести с ними беседу, объяснить, что они ей мешают делать взрослые дела, что с собакой она выходит гулять тогда, когда это нужно по расписанию... Ребята-школьники сразу стали звать её по имени-отчеству, но были малыши по шести-семи лет. Те поначалу говорили «тётя Лена». Она не возражала, но вскоре и они, подражая старшим, привыкли к «Елене Владиславовне», хотя не так легко это было произнести.

Кончились летние каникулы, теперь бросание тарелки продолжалось в основном по выходным дням. Но потом пришло время слякоти и холодов, игра прекратилась. Но не прервалась дружба Елены с ребятами. Когда она шла через двор, сразу несколько голосов окликали её:

– Елена Владиславовна, здравствуйте!

И она отвечала, обязательно называя детей по именам:

– Здравствуй, Анечка... Здравствуй, Миша... Здравствуй, Даня... Здравствуй, Олег...

Здравствуй, Диана... Здравствуй, Иракий... Здравствуй, Павлик...

Ребята подбегали, рассказывали:

– А мы сегодня контрольную писали!.. А у нас спортивные соревнования были!.. А я теперь на танцы хожу...

Девочки, да и младшие мальчики брали её за руку, провожали к подъезду, ждали, когда она выйдет с Найдой. Гладили собаку, угощали её печеньем, ещё чем-то... С Еленой стали здороваться родители детей, их бабушки и дедушки. За полгода она узнала многих людей во дворе, а её, казалось, знают все.

Когда пришла весна, наступили тёплые сухие дни, вновь стала летать над спортивной площадкой тарелка, которую Найда всё чаще и чаще брала в прыжке на лету. Потому что многие ребята бросали «фрисби» уже очень умело. А когда наступили вновь летние каникулы, Елена предложила своим юным друзьям:

– Давайте устроим настоящее соревнование? Определим чемпиона по бросанию тарелки!

Дети были в восторге. Два мальчика, Остап и Антон, занимались в спортивных школах – хоккеем и футболом. Вместе они разработали правила, составили список «спортсменов». Желаящих набралось больше 20 человек. Пришлось разбить их на две возрастные группы – старшую и младшую. Каждому участнику давалось две попытки, в каждой попытке – по десять бросков. Каждый удачный бросок, при котором Найда поймает тарелку на лету, не дав ей упасть, – очко. Те, кто наберут больше очков, выйдут в финал. Таких будет по три человека из каждой группы...

Соревнования шли целое лето. Найда хоть и была неутомима, всё же Елена позволяла собаке за одно гуляние ловить только по две попытки. Некоторые ребята уезжали отдыхать с родителями, надо было дожидаться их возвращения. Некоторые, начав бросать неудачно, прекращали попытки, пропускали несколько дней, готовились. Елена завела блокнот и всё чётко отмечала. В конце-концов все ребята использовали свои попытки, были подсчитаны очки,

выявлены финалисты. Определили время финальных соревнований: воскресенье в середине августа. День выдался отличный, солнечный и безветренный. Собрались болельщики из тех ребят, кто до финала не дошёл, пришло много родителей. Каждый удачный бросок вызывал вопли восторга и хлопки. Чемпионами в обеих группах стали девочки – Диана и Аня. Вторые и третьи места у старших завоевали Остап и Даня, у младших – Миша и Владик. Всем было весело, радостно, а Найду просто закармливали сладостями. Елена объявила: завтра, у себя дома, она устраивает банкет в честь победителей, впрочем, приглашаются и другие участники соревнования...

С этого банкета всё и пошло: у неё дома стихийно организовался дворовой детский клуб. Ребята, конечно, готовы были бегать к ней каждый день, потому ей пришлось чётко их ограничить. Дважды в каждые из каникул – осенние, зимние, весенние. Летом чаще. Исключения делались для ненастных воскресных дней. Бывало, в сильные морозы или нудный холодный дождь кто-нибудь из детей звонил ей в дверь:

– Елена Владиславовна, можно к вам, порисовать?..

– Хорошо, – говорила она, – кто там ещё из ребят есть, зови...

Елена купила полтора десятка альбомов для рисования, разноцветных маркеров, и дети – старшие и младшие, – охотно рисовали, рассевшись у неё за столом, у крышки пианино, на диване. Найда обязательно втискивалась на диван между ними, клала кому-то голову на колени. Она тоже любила всех этих девчонок и мальчишек.

Татьяна, смеясь, прозвала мать «пионервожатой». Елена и сама удивлялась такому повороту в своей жизни. Она, конечно, всегда занималась с детьми, но это были индивидуальные занятия – с каждым ребёнком отдельно и конкретно музыкой. Здесь же – совсем другое. Никто из этих ребят не ходил в музыкальную школу, и она не воспринималась ими как учительница. Только как старший друг. Этим и хороши были их отношения. Дети рассказывали ей буквально всё. Например, как папа, который с ними уже не живёт, колотил в дверь, ругался – хотел забрать к себе дочку, а мама вызвала милицию, и милиционеры приехали, надели на папу наручники... Или о том, как мама дружит с соседкой, а та пьяница, у неё забрали ребёнка в детдом, а мама от неё приходит тоже выпившая... Или что папа теперь уже не работает на рынке грузчиком, потому что поссорился со своим хозяином-негром, дал тому в морду и теперь ищет новую работу...

С удивлением Елена осознала, что процентов семьдесят ребят их двора имеют неполные семьи. Чьи-то родители в разводе, кто-то вообще не знает своих отцов от рождения, у нескольких ребят папы умерли. Девочка Аня весело сообщила, что у неё уже третий папа. «И все Сергей!» – добавила с гордостью. А одного парнишку, Артёмку, отец и бабушка отсудили у матери, та уехала совсем из города, и два года мальчик её не видел. Антон жил у бабушки с дедушкой, родители были на заработках в Польше...

Были во дворе и другие дети, которых возили в престижные школы на иномарках. Две девочки и один мальчик постоянно гуляли с гувернантками. Но, что интересно, играла на улице вся детвора вместе, без сословного различия – и «богатые», и «бедные». Гоняли по площадке мяч, катались на качелях, бегали в прятки и догонялки или просто сидели в беседке, болтали. И, конечно, бросали Найде тарелку. Эти ухоженные дети тоже подбегали к Елене здороваться, тоже о чём-то ей рассказывали. Вот только к ней домой они не ходили – видимо, их не пускали родители. Впрочем, поначалу далеко не всем детям разрешали бывать у неё. И Елена прекрасно понимала родителей: время шло странное, беспокойное, наружу повылазили разные сектанты, извращенцы, многие из которых нацеливались именно на детей. Родители опасались: какая-то женщина ни с того ни с сего увлекает к себе ребят... Она сама говорила таким детям: «Раз не пускают, значит так надо. Слушайся маму и папу». Но теперь таких опасений у жителей двора не осталось – всё-таки уже девять лет детвора бегала к ней в гости. Третье поколение. Первые

её друзья, вырастая, ходили к ней реже, потом совсем перестали – появились другие интересы. Но им на смену подросли другие мальчишки и девчонки.

Елена сама привыкла к этому общению, к этой дружбе. Ведь, когда всё началось, Таня уже училась в консерватории, была сильно загружена занятиями. Со второго курса стала принимать участие в различных концертах и конкурсах. На четвёртом курсе выиграла международный конкурс пианистов во Франции, получила грант на продолжение обучения в Парижской консерватории. Год Татьяна прожила в Париже. Сначала ей помогли устроиться жить в одну французскую семью, но очень скоро она познакомилась с четой русских, потомков первых эмигрантов. Пожилые супруги жили одни в своём доме и сами предложили Танечке перебраться к ним. Она полюбила этих людей, а они полюбили её. Супруги были глубоко верующие, Таня стала ходить с ними в православную церковь, приняла крещение. Ведь, как и многие её сверстники, она не была крещена в детстве – в то время большинству родителей просто не приходило в голову совершать подобный обряд.

Тане предлагали продолжить учёбу во Франции, звали выступать в одном довольно известном оркестре. Но в родном городе её уже ждал Игорь – тогда ещё курсант-авиатор. Девушка вернулась, закончила консерваторию у себя дома и тогда же, на последнем курсе, вышла замуж. А потом уехала... Сейчас в том далёком военном городке она преподаёт детям не только музыку, но и французский язык – свободно им владеет...

А здесь, у Елены, тоже дети и свои игры. Со временем она стала специально подбирать для ребят интересные задания. Переставляя буквы, переделывать одно слово в другое, разгадывать весёлые рифмованные метаграммы, забавные арифметические задачки. Хорошо, среди Таниных детских книг сохранились несколько с подобными играми, да ещё у коллег кое-что нашлось. Однажды Елена, вспомнив любимую забаву своей студенческой компании, загадала ребятам простенькую логическую задачку: «Человек живёт на 16-м этаже. Утром он спускается на лифте сразу вниз, но вечером, возвращаясь, иногда едет до своего 16-го этажа, а иногда – только до 8-го. Почему?» По условию игры можно задавать такие вопросы, на которые ведущий отвечает только «да» и «нет» и, таким образом, постепенно воссоздавать картину и разгадать задачку. Ребятам понравилось необыкновенно. Елена стала к каждому их приходу готовить по 3–4 таких задачки. Поначалу хватало того, что помнила сама. Потом обзвонила бывших однокурсников, заставила вспоминать их. Но скоро и этот источник иссяк. Кто-то ей подсказал: есть в Интернете специальный сайт с логическими задачками. Но компьютера у Елены не было – он ей был не нужен. И она стала придумывать задачки сама. Тут на помощь пришёл один из любимых её писателей – О.Генри. Его рассказы имели такие парадоксальные концовки, что из них получались прекрасные задачки. Например, из рассказа «Последний лист»: «Художник нарисовал листик, и девушка не умерла. Почему?». Эти «огенриевские» задачки были особенно интересны: разгадывая их, ребята словно сами сочиняли целую историю.

Последнее время, когда она ушла на пенсию, Елена увлеклась театрализованными сценками-загадками. И здесь ей тоже помогала любимая писательница Агата Кристи. Потому что ребятам интереснее всего было разгадывать какое-нибудь загадочное преступление. Под режиссурой Елены Владиславовны, они изображали проникательных комиссаров полиции, родственников и друзей жертвы, среди которых, конечно же, притаился коварный преступник...

Из музыкальных игр она позаимствовала из телепередач популярную «Отгадай мелодию». Наигрывала ребятам самые известные мелодии – песенные и классические, – они отгадывали. Правда, здесь дело шло туго: современных, особо популярных хитов не знала она, классику и давние детские песни почти не знали дети. Но она всё равно каждый раз немного играла им – самые красивые отрывки из опер, балетов, симфоний, рассказывала их истории. Этим и ограничивалась – боялась, как бы родители не заподозрили, что она «вербует» себе учеников в музыкальную школу. Ребята, конечно, просились поиграть на пианино, и Елена

каждого желающего научила набирать по клавишам одним пальцем две строчки из «Жили у бабуся...» и две строчки из «Маленькой ёлочке...» Да они и сами большего не хотели. Вот только одна девочка, Тоня, которая начала к ней ходить в этот последний год, от пианино просто не отлипала. Да и сама Елена сразу поняла, что у девочки явные музыкальные способности... С этой девочкой произошёл не так давно неприятный случай.

Среди дня Елене резко зазвонили в дверь, и сразу несколько мальчишек наперебой стали говорить:

– Елена Владиславовна, Тоньку только что в супере поймали, охранники повели к директору, говорят, в милицию сдадут! Она пять штук киндерсюрпризов украла!

– Так, – Елена быстро втащила ребят в коридор, закрыла двери. – Давайте сначала, спокойно и внятно.

«Супером» дети прозывали большой магазин, супермаркет, расположенный рядом, прямо через двор. «Киндерсюрпризами» назывались забавные шоколадки, сделанные в виде яйца с пластмассовыми игрушками внутри. А дело, как выяснилось из уже подробного рассказа, было так. Тоня сама позвала трёх приятелей: «Пошли в супер, что-нибудь стащим!» Ребята пошли, но перед входом забоялись и стали отговаривать девочку: «Не надо, там кругом камеры следят!» Но она заявила: «Я тогда сама пойду и на всех киндерсюрпризов возьму!» Тоня с потоком людей пошла и скрылась в лабиринтах прилавков, а пацаны остались у турникетов ждать. Видели, как она пыталась пройти мимо кассы, показывая пустые руки, но как запищал какой-то датчик, и у девочки из карманов стали вынимать сладости, промаркированные специальными электронными штрихкодами...

Елена начала было надевать пальто, чтобы идти выручать девочку, но ребята сказали: туда уже пошла Тонина мама, ей позвонили. Дима, один из парнишек, сказал осуждающе:

– Эта Тонька и раньше воровала в супере сырки разные, шоколадки. Я с ней больше дружить не буду!

– Интересно, – протянула Елена, – а вот если бы Тоня и на этот раз не попала, вынесла бы киндерсюрпризы, вы бы их взяли? Она ведь для всех брала? Так?

– Да... – ребята переглянулись растерянно.

– Значит, она рисковала, чтоб угостить вас всех, а вы спокойненько ждали. И если бы всё сошло, с радостью лопали бы эти «сюрпризы»! Да или нет?

– Ну да, – откровенно сказал Антоша, – ели бы, конечно.

– А раз девочка попала, так она уже плохая, а вы хорошие. А вот я думаю, что вы виноваты не меньше. И если узнаю, что кто-то из вас дразнит её или, не дай Бог, обзывает «воровкой» – ноги этого человека у меня не будет!

Тоня пару недель вообще не появлялась во дворе – была наказана. А когда стала вновь гулять, ребята встретили её так, словно ничего не случилось. А вот Елена в эти же дни наткнулась в городской газете на статью со статистикой воровства в супермаркетах. Больше всего подворовывала именно детвора. Тащили сладости. Да и как избежать искушения, когда вокруг на прилавках просто россыпью лежат такие доступные, вкусные, в красивых обёртках мелкие штучки, легко умещающиеся в карман! Кажется – одно ловкое движение, никто не заметит... Особенно разбегаются глаза у детей, которым эти сладости достаются редко. А Тоня была из такой семьи. Она как-то похвасталась Елене Владиславовне:

– Меня мама родила, когда ей было шестнадцать лет!

Елена прикинула: если девочке девять, то маме всего-то двадцать пять лет! Она и правда выглядела юно: худенькая стройная блондинка с тонкими чертами лица, вот только курила и говорила хриловатым голосом. Работала всё там же – на вещевом рынке реализатором. То есть, стояла за прилавком, продавая какие-нибудь куртки, джинсы или свитера. А, значит, уходила рано, возвращалась поздно, перекусывала всухомятку, тягала тяжести, зимой мёрзла и, по всей видимости, «согревалась» не только чаем, но и чем-то покрепче... Отца своего Тоня

не знала, но её маму часто привозил вечерами один и тот же мужчина на авто. Возможно, хозяин и любовник в одном лице. Правда, никогда не ночевал. Часто стоя у окна и глядя во двор, Елена видела, как этот человек уже по темноте выходил из подъезда и уезжал. «Вот и хорошо, – думала она. – Там девочка растёт, да прехорошенькая. Кто их знает, этих толстосумов, думающих, что им всё позволено...»

Елена решила непременно поговорить о музыкальных способностях с мамой Тони. И однажды, когда они встретились во дворе, и молодая женщина с ней поздоровалась, Елена её остановила. Казалось, разговор будет сложным, но нет.

– Мне Тонька уже всю голову проела: «Хочу играть на пианино!» Я тоже девчонкой пела очень хорошо и даже с одной учительницей вокалом занималась. Прочили мне всякое, да я дурой оказалась... Теперь уж не пою.

Засмеялась хриплым голосом.

– Что ж, так бывает, – кивнула Елена. – Таланты, не реализовавшиеся у родителей, могут ещё сильнее проявиться у детей. Вы, Светлана, подумайте: может быть музыкальное образование – путь для Тони в другую жизнь, лучшую. Конечно, в музыкальной школе учиться дороговато...

– Тут вся музыка и кончается, – резковато бросила собеседница. – Прокормить девчонку и одеть я в состоянии, зарабатываю. А что другое – не потяну.

– Есть один вариант, при котором Тоня может учиться совершенно бесплатно, и в очень хорошем месте. В консерватории... Я не шучу: студенты, начиная с третьего курса, проходят педагогическую практику. Им нужны ученики, которые приходят к ним в классы консерватории. Моя дочь тоже проходила такую практику, поэтому я знаю.

– И что, за это не платят? – недоверчиво спросила Светлана.

– Нет. Но занимаются с детьми по-настоящему, не хуже, чем в музыкальной школе. А то и лучше! Ведь курируют все уроки преподаватели консерватории – контролируют своих студентов, подсказывают им. А это – профессора, заслуженные артисты... Если вы захотите, я узнаю?..

– Спасибо, конечно. Узнайте... Вот только пианино – оно, наверное, дорого стоит?

Тут уже Елена улыбнулась невесело:

– Ошибаетесь! Вполне приличный инструмент отечественных фабрик можно сейчас купить за бесценок. Есть люди, которые уезжают, переезжают, а инструмент им становится просто не нужен.

Не откладывая дело в долгий ящик, Елена сходила к профессору Смоляку, бывшему преподавателю Татьяны, и тот сразу же определил Тоню к своей студентке-четверокурснице. Вот уже месяц девочка занимается музыкой. С инструментом вопрос разрешился совсем просто. На рынке, где работала Тонина мама, кто-то подсказал ей: соседи уезжают в Германию, отдают пианино бесплатно, нужно только самим вывезти его да поскорее... Елена видела, как привезли пианино «Лира» одесской фабрики на грузовой фуре, среди мужчин, заносивших его в подъезд, был и тот, провожающий Светлану на машине...

Найда, которая до сих пор дремала, изредка потягивая, вдруг завозилась, быстро задёрнула всеми четырьмя лапами и завывала. Елена вскочила.

– Господи, детка! Как же я о тебе забыла! Задумалась, тоже мне...

Она в ту же секунду так отчётливо вспомнила свой стон при первой настоящей потуге, когда рождалась Танечка. Стон, который был так похож на вот этот собачий вой – так же исполненный боли, страха и чего-то глубинно-неведомого! Елена схватила телефонную трубку, стала лихорадочно тыкать пальцем в кнопки, не сразу попадая. Наконец зазвучали гудки, и она, сама того не замечая, просила:

– Ну, скорее же! Бери трубку! Найдочка, детка, потерпи, сейчас, сейчас!

Наконец Мария Ананьевна отозвалась и тут же одёрнула Елену:

– Не паникуй! Я буду через две минуты.

Щенки

Елена принесла таз с тёплой кипячёной водой, Мария Ананьевна быстро вымыла собаке живот мылом. Обтирая Найду полотенцем, приговаривала:

– Умница ты наша! Как хорошо, что шёрстка у тебя короткая, хвостик купированный! Ничего не помешает нашим щеночкам родиться. Скоро, скоро...

Не прошло и пятнадцати минут, как из широко раскрывшейся промежности просто-таки выскочил на подстилку маленький скользкий комочек. Щенок. Елена только рот успела открыть:

– Ой!

А Мария Ананьевна уже подхватила его, голосом маститого хирурга приказала:

– Ножницы!

Ловко разрежала то, что оказалось пузырьём, тряпочкой вытерла новорожденного, другой салфеткой ловко промокнула ему пасть и ноздри, потом перерезала пуповину и подложила Найде под живот, к соску.

– Смотри, какой живчик, уже ухватил, сосёт! Кобелёк. Ну, теперь передохнём минут двадцать, это точно.

Соседка ополоснула в тазике руки, вытерла тем полотенцем, которым обтирала собаке живот. Кивнула Елене:

– Садись, а то, небось, ноги дрожат. Неужто так страшно?

– Да нет... – Елена с блаженной улыбкой смотрела на щенка. – Очень даже здорово. И вы ловко так и спокойно всё делали... Какой он хорошенький!

– Ты отдыхай. – Мария Ананьевна вздохнула, сама расслабляясь в кресле. – Мы не знаем, сколько там таких красавчиков, может до самого утра провозимся.

До утра возиться не пришлось. С промежутком в двадцать-тридцать минут родились ещё два щенка. Елена, как заправский ассистент, подавала «инструмент»: ножницы, салфетки, марлю, воду, да принимала и считала плаценту. Мария Ананьевна сказала: для того, чтоб не забыть последний послед в матке собаки. Впрочем, много считать не пришлось: после третьего щенка Найда стала совершенно спокойной, начала активно облизывать малышей, удобно пристраивать их под собой. Мария Ананьевна ощупала живот собаки, сказала уверенно:

– Все здесь! Отстрелялась Найдочка. Два кобелька и сучка – просто красота!

Дня через три уже было совершенно ясно: все щенки – копия Найды. Коричневые головки с чудесными висячими ушками, крапчатые мраморные тельца, длинные лапки и даже мраморный треугольничек на коричневой шейке – у всех троих! У них были такие славные хвостики, что Елена даже не хотела их купировать. Но Мария Ананьевна решительно сказала:

– Надо!

– Но ведь они же не чистопородные, значит соблюдать правила экстерьера не обязательно. Жалко...

– Во-первых, – возразила соседка, – им сейчас совершенно не будет больно, всё равно, что ногти обрезать. А во-вторых, ты посмотри на них! Ну вылитые твои хаары!

– Курцхаары...

– Точно. Скажешь, что чистопородные, любой поверит. А значит, хорошо их пристроишь. Я сама хвостики обрежу, мне приходилось.

Елена, глядя на ещё слепых, но уже очень шустрых щенков, протянула немного даже разочаровано:

– Я думала по их внешности догадаться, кто же папаша. А там даже намёка нет.

– Значит, какой-то дворняга, – уверенно заявила Мария Ананьевна. – Если бы Флэш или колли Цезарь, обязательно проявилась бы его порода хотя бы в одном щенке. Порода всегда

своё берёт. А у дворняг столько намешано, что всё слабое, размытое. Вот порода Найды и забила все папашины признаки. Похоже, один-то кавалер у неё был, и гуляла она с ним всего разочек.

Елена поняла, что имеет ввиду соседка. Как-никак, не один год водила Найду в собачий клуб, знала кое-какие тонкости вязки. Знала, что собака может беременеть сразу от нескольких кобелей, оттого и щенков рождается много, часто – очень разные...

Но малыши Найды были настоящие близнецы. Правда, месяцам к полутора небольшое различие обнаружилось. Заметно это было только Елене и только потому, что она очень внимательно приглядывалась к щенкам. У двух братцев ножки были чуть короче, чем у их сестрички. У той лапы длинные, стройные – настоящий стандарт, как у самой Найды. «Фотомодель», – не раз думала, глядя на неё Елена. А мальчишки, пусть еле заметно, но всё же в этом плане подкачали – видимо именно здесь сказалась наследственность их неизвестного папаши. Зато их лапы были мощнее, крепче. И вообще этих двоих совершенно невозможно было различить. Только по характеру. Первый – смелый, настырный, если слышал шум, сразу мчался в ту сторону. Второй также очень любопытный, но осторожный, словно бы рассудительный. Прежде чем что-то делать, поднимет головку и смотрит вопросительно в глаза хозяйке... Елена так их и назвала про себя – «Первый» и «Второй». Но не вслух. Она рассудила: у щенков будут свои хозяева, которые дадут им имена. Зачем сейчас приучать малышей к кличкам, от которых потом им трудно будет отвыкнуть. Просто говорила: «Мой хороший», «Вот умничка», «Иди сюда, Малыш»... А девочку называла «Малышкой».

Как она и предполагала, её друзья – дворовые ребята, – почти каждый хотел взять щенка. Но у некоторых собаки уже были, у других – кошки. Родители тех, у кого животных в доме не было, просто их не хотели. К Елене подошла на улице бабушка одного мальчика, стала рассказывать:

– У нас квартирка маленькая, одна комната да вторая, из кухни переделанная – платку газовую вынесли в коридор! Я с Женечкой, да дочка с мужем, и ещё один ребёнок только что родился, три месяца. Куда нам ещё собаку! А Женя просит, прямо в слёзы: хочу щенка Найдиного! Вы уж, Елена Владиславовна, голубушка, отговорите его!

И ещё одна мама девочки Кристины просто взмолилась:

– Елена Владиславовна, скажите Кристинке, что щенки уже обещаны кому-то! Мы ведь в коммуналке живём, с соседкой не ладим – такая мегера, я её просто боюсь. Если возьмём собачку, она нас со свету сживёт. Да и я весь день на работе, а дочка в школьной продлёнке...

После таких просьб Елена стала побаиваться: как бы родители не подумали, что она навязывает детям своих щенков. Мама Кристины подсказала ей выход. И она объявила ребятам: у щеночков уже есть хозяева – её друзья и коллеги по бывшей работе. Просто малыши ещё очень маленькие, Найда их пока что кормит. Вот будет им месяца по три, и они разъедутся в свои новые семьи. И это, кстати, было лишь частично неправдой. Малышку уже и в самом деле ждала её будущая хозяйка – Татьяна. Елена не сообщала дочери о беременности Найды. Боялась: вдруг что не так – какой это будет удар для Тани! Ей и без того хватает горя... Когда же щенки родились, она выждала ещё две недели, потом позвонила в далёкий военный городок.

– Мапочка, – ответила ей Таня, – это просто чудо! Это мне знак не отчаиваться! Господи, я так счастлива!

Елена, слыша радостный, звенящий голос дочери, вспомнила Танюшу маленькой девочкой, впервые увидевшей Найдёныша. Казалось, там, на другом конце страны, Таня запрыгает и захлопает в ладоши...

– Ты говоришь, их трое? И одна девочка? Похожа на Найду?

– Да, Танечка! Они все похожи, но девочка – точная копия.

– Мама, мама, я хочу эту малышку! Привези её мне!

Голос у Тани дрогнул, стал более глубоким, грудным, когда она, после небольшой паузы, добавила:

– Я по тебе соскучилась... Приезжай ко мне, мамочка. Так хочу тебя видеть...

– Мы приедем втроём. Я, Найда и твоя собачка. Вот потеплеет, и приедем.

Елена звонила дочке утром, и потом весь день ходила счастливая, взбудораженная. На глаза то наворачивались слёзы, то от воспоминаний вырывался смех. Она ласкала Найду, щенков, приговаривала:

– Скоро, скоро поедем!

Теперь она точно знала: в апреле, когда и в самом деле потеплеет, они поедут к дочери на Дальний Восток. С Найдой и Малышкой. Но к этому времени Первого и Второго нужно будет пристроить в хорошие руки, к хорошим хозяевам...

Всезнающая Мария Ананьевна Елене не раз говорила:

– Ты не продешеви. Вон они у тебя какие породистые. Кому будешь продавать – хорошие деньги проси. Тебе ехать в дальний край, лишними не окажутся. А то можешь перекупщикам продать щенков, те их быстро пристроят, да ещё с хорошим наваром для себя. Но и тебе заплатят, и не нужно будет самой хлопотать.

Елена не возражала соседке, но сама даже и не думала обращаться к перекупщикам. Ещё чего! Ей нужно видеть тех людей, у которых станут жить щенки. А то ведь она сама себя изведёт разными страшными мыслями!

– Что ты тянешь? – восклицала Мария Ананьевна. – Твоим уже два месяца, самое время их продавать. Больших-то щенков труднее пристроить, охотников меньше!

Но Елена и в самом деле тянула. Чудные маленькие кобельки так радовались ей, так ласкались! Жалко было расставаться, жалко было забирать их у Найды. Да и морозы стояли на дворе. Разве можно их, таких маленьких и короткошёрстных, выносить в такую погоду на улицу!

Елена уже для себя решила: щенков она станет продавать сама. Скорее всего – людям незнакомым. Так получается. Из бывших своих коллег она сохранила дружбу лишь с тремя преподавателями музыки, у них всех были свои домашние любимцы. У одного её ученика – рыбки и попугайчики, собака в этой компании лишняя. В богатом особняке её второй ученицы, в огороженном вольере бегало три собаки – два ротвейлера и алабай. Куда в такую грозную компанию стройного курцаара, даже если бы хозяева и захотели!

К середине марта сильно потеплело, а в конце месяца зацвели абрикосы – одно деревце стояло прямо под окном. Елена поняла: подошло время прощаться со щенками. Им было уже почти по четыре месяца. Да и к Тане пора ехать – дочка уже сама два раза звонила: «Мамочка, когда же?..»

Сначала Елена хотела выйти со щенками на «птичий рынок». Но он располагался далеко от дома, потому она отправилась туда на разведку. И правильно сделала. Сам-то рынок ей понравился, особенно его цивилизованная часть. Там стояли крытые стеклянные павильоны, большие вольеры для самых разных птиц – от волнистых попугайчиков до фазанов и павлинов. В аквариумах плавали рыбки, в террариумах чего только не было: змеи, лягушки, черепахи, небольшие крокодилы. Грызуны самые разные. Увидела Елена и горностаю, и миниатюрную домашнюю свинку.

Там, где кончались павильоны, начинался стихийный рынок: столики, лотки, стоящие прямо на земле клетки, банки с рыбками, легковые машины с открытыми багажниками, из которых выглядывали самые разные собаки, картонные ящики тоже с собаками и кошками... Елена, изображая покупательницу, ходила, расспрашивала, смотрела. И увидела, как выживают «натуральных» продавцов – то есть тех, кто вынес сюда своих собственных щенков или котят. Сначала напрямую подходят перекупщики – а это именно у них машины, набитые живностью. Если не договариваются, через короткое время подсакивает бойкий парнишка, хва-

тает одного из нескольких зверьков, и убегает. Хозяин кричит, но никто вдогонку не пускается. И снова появляется перекупщик. Приходится человеку согласиться или уйти с рынка...

Через два дня после этого похода Елена собралась. День стоял прекрасный: была суббота, солнце светило так ярко и уже по-настоящему жарко! Апрель. «Это хорошо, – подумала она, – малыши не замёрзнут». Она покормила всех троих щенков, потом поймала разбежавшихся по квартире мальчишек, поднесла их к Найде.

– Прощайся, мамочка.

Найда лизнула в мордочку одного, другого – словно поняла.

– Не бойся, я постараюсь, чтоб им было хорошо, – пообещала женщина собаке.

Положила Первого и Второго в специально купленную корзину с крышкой, на тёплую подстилку, и пошла, оставив Найду с Малышкой. Она уже знала, где станет со щенками. Поехала трамваем в один из микрорайонов – давно обжитой и многолюдный. Вышла на оживлённом перекрёстке. Здесь была и остановка троллейбуса, и трамвая, и широкая трасса. Рядом расположился импровизированный базарчик: бабушки продавали морковь, тыкву, фасоль... У троллейбусной остановки работало несколько киосков: продавали сигареты, минеральную воду, хлеб, шоколадки, всякую мелочь. Здесь же был открытый лоток с газетами. Недалеко от него Елена и разложила складную скамеечку, поставила на неё корзину, откинула крышку.

Люди сразу стали останавливаться – настолько милыми и весёлыми были щенки. Они резвились в корзине, время от времени высывая мордочки, любопытно поглядывая вокруг. Они ведь первый раз вышли на белый свет и, как Елене показалось, он им очень понравился. «Дай Бог, чтоб так и было, – мысленно молилась она. – Чтоб всё для этих малышей сложилось хорошо!» Сердце у неё ныло, мучило чувство вины перед этими маленькими собачками. Словно она предаёт своих родных детей, продаёт их! Понимала, что это не так, что не может оставить щенков себе, и всё-таки... Разглядывая подходивших людей, она мысленно давала себе слово: «Отдам только тому, кто по-настоящему понравится».

Оказывается, никто из подходивших не знал такую породу – курцхаар. Двенадцать лет назад Елена сама поразилась утончённому и совершенно ей не знакомому виду Фрама. Сколько лет прошло, а эта порода продолжала оставаться редкой. Тем, кто останавливался и спрашивал, Елена охотно рассказывала о курцхаарах: «Охотники, очень быстроногие, добродушные, весёлые, умные, совершенно не агрессивные к людям...» Предупреждала: «Это не защитник, но прекрасный друг...» Люди слушали, умилялись щенкам и отходили. Одна девочка воскликнула:

– Ой, какие хорошенькие! Можно, я поглажу?

Елена конечно разрешила. Ребёнок, казалось, не мог оторвать ладошку от щенка. Смотрела просящими глазами на маму. Молодой женщине, похоже, и самой нравились щенки, но она стала тихонько оттягивать дочку за руку, говорить полусёпотом:

– Алечка, мы не можем... Ты же знаешь, как папа болеет...

После этого Елена стала думать: а, может, уйти, вернуться домой и попробовать всё-таки поискать щенкам пристанище у знакомых?.. Но в эту минуту у края тротуара остановилась красивая машина-иномарка, из неё вышел молодой мужчина, нажал пульт электронного замка и торопливо пошёл к сигаретному киоску – как раз мимо скамеечки и корзины со щенками. Мимоходом глянул и вдруг резко остановился. Смотрел некоторое время не отрываясь на резвившихся малышей, потом поднял взгляд на Елену.

– Это курцхаары? – спросил так, словно был очень удивлён.

Она улыбнулась:

– Вы первый, кто узнал породу.

Мужчина присел на корточки, стал гладить щенков. Потом спросил, причём голос его дрогнул, словно он волновался:

– Вы их продаёте?

– Продам... тому, кто мне понравится.

У неё сильно колотилось сердце: она поняла, что это настоящий покупатель.

– Продайте мне одного, – попросил он. – Я не обижу.

– Какого вы хотите? Выбирайте.

Мужчина взял на руки одного, потом другого. Оба радостно визжали и старались его лизнуть. Он засмеялся:

– Они же совершенно одинаковые!

Но Елена знала, что это не так. И протянула ему Второго. Тот прижал кобелька к себе, и Второй всё-таки дотянулся, лизнул своего нового хозяина в щёку.

– Сколько мне вам заплатить? – спросил мужчина, продолжая радостно улыбаться.

– ... Я не знаю, – растерялась она. Ведь и в самом деле до сих пор не решила, сколько же надо запрашивать.

Мужчина полез во внутренний карман кожаной куртки, достал купюру.

– Возьмите. Этого хватит?

Это были 50 долларов. Много лет назад Альберт Васильевич предлагал ей за Фрама точно такую же сумму. Тогда, правда, они ценились больше. Но и сейчас это были значительные деньги, Елена такого не ожидала. Сказала неловко:

– Это, наверное, много... Хочу вас предупредить: щенок не совсем... чистопородный. Нет-нет, мама у него очень именитая, призёр разных конкурсов, имеет много медалей...

– Вот и отлично, – оборвал её мужчина, не дослушав. – Если нужно будет, я ему выправлю документы. Но, честно говоря, беру не для выставок: сыну. Он хотел именно такого... курцхаара...

Елена, чувствуя, что покупатель сейчас уйдёт, стала торопливо объяснять:

– Он уже привит от чумки и энтерита, и антиглистный курс прошёл. Вот, возьмите справки. А от бешенства рано было прививку делать, ему ещё и четырёх месяцев нет. И вот – возьмите мой телефон. Мало ли что... Звоните.

Она протянула заранее заготовленную бумажку. А потом со смешанным чувством грусти и радости смотрела, как её малыш, её Второй исчез за затемнёнными окнами красивой машины – она теперь рассмотрела, что это серебристая «Субару». Она последнее время стала разбираться в эмблемах иномарок. Её возили к ученику на Тойоте, но в той семье была ещё одна машина – Фольксваген. Елена запомнила эти названия и соответствующие им эмблемы. Стала приглядываться к проезжающим мимо автомобилям: трилистник – Мицубиси, золотистый крест – Шевроле, молния в круге – Опель, ромб – Рено, лев на задних лапах – Пежо, четыре переплетённых кольца – Ауди... Но особенно ей понравились звёзды в круге: большая и пять маленьких. Такие машины назывались Субару. То есть, созвездие Плеяды. И встречался этот знак гораздо реже других. Но машина нового хозяина Второго была именно этой, её любимой марки. Она как раз отъехала, свернула на близком перекрёстке и скрылась...

Только сейчас Елена призналась себе: нет, не случайно она отдала этому покупателю именно Второго – более спокойного, уступчивого и робкого из двух. Ему в большей степени, чем Первому, нужна опека и защита. И, судя по всему, он это получит в полной мере... Елена вспомнила покупателя: лет тридцати с небольшим, спортивный, подтянутый, волосы хорошо подстрижены, тёмные глаза приветливы, улыбка обаятельная. Одежда его выглядела элегантно, а, значит, не дёшево: чёрные брюки, светлый свитер под кожаной курткой. Запах дорогого мужского одеколona всё ещё витал в воздухе. И, конечно, машина – из самых лучших. Ясно, что Второго попал если не в богатую, то в очень обеспеченную семью. Вот и отлично.

Женщина глянула на часы. Прошло всего полчаса, как она здесь. Теперь, оставшийся один, Первый не хотел сидеть в корзине. Елена сама присела на скамеечку, взяла щенка на руки. Она привыкла разговаривать с Найдой, и привычку эту перенесла на щенков. Стала гладить, приговаривая:

– Ничего, малыш, всё хорошо! Видишь, как твоему братцу повезло, будет он теперь ездить на машине со звёздочками. Может, ему имя дадут Атлант, например, или Орион. Если, конечно, его хозяин знает, что такое Плеяды...

– Как вы интересно рассказываете!

Елена подняла глаза. Рядом стоял мужчина и, улыбаясь, протягивал её пластиковый стаканчик с дымящимся кофе.

– Возьмите. Я вот принёс из пиццерии для Марины и Зои, а Марина, оказывается, сегодня одна. Подумал – может вы хотите?

Елена поняла, что этот человек говорит о продавщице газет: полная, ярко накрашенная брюнетка стояла недалеко и пила из такого же стаканчика. Тут же, в ряду киосков, был один с надписью «Пицца».

– Спасибо...

Она хотела отказаться, но улыбка у незнакомца была такая мягкая, приветливая, он смотрел просто, словно был с ней давно знаком – как с этой газетчицей или с бабушкой, продающей семечки... И Елена неожиданно улыбнулась в ответ. Ей и правда захотелось хлебнуть горяченького, да и запах у кофе казался приятным. В конце концов, почему бы и нет? Она даже почувствовала себя частью инфраструктуры этого импровизированного базарчика.

– Хорошо. Сколько я вам должна?

– А я вас угощаю. Берите, берите! И давайте я подержу пока вашего красавца.

Он забрал у неё Первого, и тот, конечно, тут же лизнул незнакомца в щёку, слегка заросшую седоватой щетиной.

– Какой ты красивый, ловкий... – Тот гладил щенка, не слишком уклоняясь. – Охотник? – Поднял глаза на Елену.

– Да, это охотничья порода.

Она понемногу отхлёбывала кофе уже стоя, чтоб удобнее было разговаривать. Стала рассказывать, что такое курцхаар, увлеклась, вспомнила историю с ондатрой – чтобы проиллюстрировать врождённые охотничьи инстинкты породы. А потом даже не заметила, как рассказала о Найде, о неизвестном папаше щенков. Этот незнакомый человек настолько располагал к себе, так хорошо слушал, да и сам говорил что-то весёлое, интересное... Минут через десять они уже вместе над чем-то смеялись. Щенок притих у мужчины на руках, прижался к нему всем тельцем, как к родному, и придрёмывал.

Елена теперь уже хорошо рассмотрела своего собеседника. Он, видимо, был старше неё. Сухощавое, обветренное лицо, не густые, но без залысин и с заметной сединой волосы. Высокий, худой, но без ощущения немощности. Наоборот – подтянутый, крепкий. Одет скромно – о такой одежде говорят: «Секонд-хенд». Однако всё аккуратное, чистое.

– Чудное существо! – сказал мужчина.

И Елена заметила, что он непроизвольно чуть сильнее прижал к себе спящего щенка. Словно не хотел отдавать. И вдруг она сказала:

– Хотите взять его себе? Может, у вас внуки есть? Он таким прекрасным другом им будет...

Она предложила это неожиданно для самой себя, но тут же поняла, что не жалеет. Что-то было в этом человеке такое притягательное, надёжное. На какой-то миг показалось – знакомое... Он тоже не ожидал, но не смутился. Просто задумался, пристально глядя на неё. После паузы ответил:

– Может, и есть... внуки... Но я живу один. А друг – он и мне нужен. Если вы не шутите – я возьму его себе. Куплю, конечно.

– Нет, нет, – начала было Елена, но он поднял ладонь, останавливая её.

– Примета есть такая: собаку или кошку надо обязательно купить, иначе не приживётся.

– Тогда за чисто символическую плату, – кивнула Елена.

Мужчина достал купюру в сто рублей.

– Это, конечно, немного...

– Очень хорошо!

Она взяла у него из рук деньги, и, так же, как предыдущему покупателю, стала рассказывать о прививках, о том, что щенок уже самостоятельный, всё ест. Дала и листочек со своим телефоном. Сказала:

– Если вдруг что-то не сложится, я, конечно же, возьму его обратно.

– Об этом даже не думайте, – улыбнулся ей незнакомец. – Этот пёсик теперь мой. Навсегда.

Он ушёл в арку ближайшего многоэтажного дома, прижимая к себе так и не проснувшегося Первого. А к Елене подошла продавщица газет Марина: она, обслуживая своих покупателей, всё это время поглядывала в сторону говоривших. Может быть, Елена показалась ей расстроенной, потому что она приветливо сказала:

– Вы не переживайте. Это очень хороший человек. Он здесь живёт недалеко, все его знают, уважают. Если взял собачку, значит будет заботиться.

– Спасибо, – улыбнулась Елена. – Я это тоже поняла.

Она села в трамвай, держа в руках пустую корзину. Было печально, немного щемило сердце. Но, вспомнила она: «Печаль моя светла». Всё будет хорошо, она и в самом деле «пристроила» щенков в хорошие руки. Вот только сейчас ей пришло в голову: жаль, не спросила имён ни у молодого владельца Субару, ни у пожилого незнакомца, угостившего её кофе...

АНТОНИЙ

Жулик играл в футбол с мальчишками. Вернее, это они играли с ним в мяч. Бегали по полю, пасовали друг другу, стараясь увернуться от Жюльки. Но это было трудно. Он, ловкий, быстрый как молния, кидался бесстрашно в ноги, лапами и головой выбивал мяч, подхватывал зубами и мчался с ним кругами по полю. И вся орава футболистов с гиканьем и смехом неслась следом. Пёс внезапно останавливался и бросал мяч, позволяя забрать и снова повести в игру. Становился в стойку, подняв лапу, смотрел, склонив голову, выжидая. И в какой-то миг вновь бросался в борьбу. Он и на лету прекрасно ловил мяч, прямо в воздухе. Мальчишки пытались научить его стоять в воротах, уговаривали: «Жюлька, ты же непробиваемый вратарь будешь!» Но он хотел только бегать. Ещё бы, с такими длинными лапами!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.